

Глава 867: Часть зрелища, которую другие только видят издалека

Люди Города Фэнъян продолжали кланяться на обеих сторонах дороги. Это была густая и тихая толпа.

«Расходитесь. Я предполагаю, что у всех есть множество дел, которые они должны делать для своей жизни», - сказал Чэнь Чаншэн.

Пройдя через ту маленькую деревню у основания Горы Хань, он получил опыт в принятии поклонения народных масс, но все еще немного не привык к этому.

Если выразить это по-другому, 'не привык' означало застенчивость или робость, так что его голос был немного мягким, из-за чего многие люди не смогли услышать его.

«Быстро расходитесь! Те, кому надо начинать торговлю, должны начать торговлю, те, кому надо пойти на работу, должны пойти на работу, а те, кому надо пойти в школу, должны пойти в школу!» - закричал Танг Тридцать Шесть толпе.

Его голос был очень громким, а выражение его лица - естественным. Казалось, как будто он был Попом.

Естественно, его никто не слушал.

Мировой судья Графства Фэнъян очень быстро приказал своим солдатам поддерживать порядок.

Люди, выстроенные вдоль улиц, встали, но не ушли. Они уставились на Чэнь Чаншэна лицами со всевозможными эмоциями: уважением, почтительностью, энтузиазмом, волнением, и многими другими.

Для людей этого удаленного городка это, вероятно, будет единственная возможность, когда они лично взглянут на Попа, так как они могли так просто уйти?

Священники церкви Города Фэнъян тоже поспешили сюда, но они не сильно отличались от обычных верующих. Увидев Чэнь Чаншэна, они так занервничали, что не могли говорить. Их даосские робы вмиг промокли в поту, а их ноги стали еще мягче, чем ноги Сяо Чжана.

Даосисты, облаченные в синее, и эксперты Имперского Двора тоже не уходили.

Танг Тридцать Шесть посмотрел на них и сказал: «Что? Вы правда думаете о покушении на Попа перед десятками тысяч людей, тем самым преуспев в достижении самой глупой и храброй ситуации всех времен?»

Такая насмешка и такие грубые слова оказали какой-то эффект, потому что цель их критики была настолько ясна, что все могли понять.

Бесчисленные яростные взгляды пали на даосистов и экспертов Имперского Двора, и эти служащие тоже не смогли сбежать.

Служащие и эксперты отступили вдаль, а арбалетчики разоружили свои арбалеты, чтобы избежать неуважения.

Даосисты в синем стояли в тридцати метрах, но похоже, что они не были готовы уйти.

Чэнь Чаншэн вынул несколько пилюль.

Ху Тридцать Два отправился в Крепость Семи Сокровищ, чтобы попросить миску воды.

Сяо Чжан с этой миской воды выпил несколько пилюль.

Чэнь Чаншэн колебался мгновение, а потом сказал: «Эти пилюли предназначаются для приема за три дня».

При этих словах бумага на лице Сяо Чжана зашевелилась.

«Но ветра нет; это только от дыхания? Как и ожидалось от эксперта Провозглашения Освобождения, его злость вызывает такой переполох».

Танг Тридцать Шесть очень серьезно комментировал.

Он не стал бы бояться Сяо Чжана в прошлом, и тем более сейчас.

Его три года пленения в старом поместье и зале предков, особенно последние полгода, действительно сильно душили его голос.

В какой-то миг подобие молодого хозяина клана Танг и Су Ли распространилось по континенту. Сяо Чжан знал, что было невозможно получить преимущество в споре с этим пареньком, так что решил проигнорировать это. Он сказал Чэнь Чаншэну: «Не надейся, что я продам свою жизнь Дворцу Ли».

«Такую штуку, как жизнь, нельзя продавать», - согласился Чэнь Чаншэн.

Танг Тридцать Шесть в стороне сказал: «Кто сказал, что нельзя продать жизнь? Ты когда-нибудь думал, как мой идол зарабатывает на пропитание? Как я смог сделать последний ход в зале предков?»

Чэнь Чаншэн посмотрел на него, ничего не говоря.

Танг Тридцать Шесть покачал рукой, указывая, что он понимал, и прекратит говорить все, что приходит к нему на ум.

Чэнь Чаншэн посмотрел на соседнего даосиста и сказал: «Виновен ли человек или нет, зависит от одной фразы Имперского Двора. Я могу помиловать все пустые преступления, в которых тебя обвинили, но они обвинят тебя в новых преступлениях, продолжая бесконечное преследование».

Сяо Чжан сказал: «Когда я атаковал копьем на Реке Ло, я так сильно не вдумывался в это, так что для меня нет необходимости думать об этом сейчас».

«У тебя слишком тяжелые и многочисленные раны. Тебе необходимо восстановиться, так что я хочу организовать место, в котором ты сможешь скрыться на некоторое время».

Чэнь Чаншэн добавил: «Я не Ван По. Между нами нет обид и связей, так что нет необходимости отказываться от моих хороших намерений».

Сяо Чжан замолчал на некоторое время, а потом сказал: «По правде говоря, я тоже хотел найти место для укрытия».

После преследования Имперским Двором в течение целых трех лет, как он мог не чувствовать себя уставшим? Насколько бы необузданным он ни был, он тоже знал, что это не могло продолжаться.

Не так давно, после того, как он был тяжело ранен, он действительно хотел найти место для отдыха, но было довольно сложно найти такое место.

Было очень мало сект, достаточно смелых, чтобы бросить вызов величию Шан Синчжоу.

У него были старые обиды с Сектой Меча Горы Ли и Поместьем Древа Ученых, и он не желал опускаться голову перед ними, даже если его отказ приведет к смерти.

Место, выбранное им в конечном итоге, было тем же местом, куда Чэнь Чаншэн намеревался отвести его.

Пик Святой Девы.

Услышав слова Сяо Чжана, группа Чэнь Чаншэна была шокирована. Так как он уже ходил в Пик Святой Девы, почему Имперский Двор преследовал его сюда?

«Я не смог войти в Пик Святой Девы».

Глаза Сяо Чжана пронзили отверстия в бумаге, становясь немного темными, возможно, потому что он вспоминал обстоятельства того дня.

«С массивом мечей, сформированным теми девчонками, действительно сложно справиться, и так как они явно не хотели видеть меня, должен ли я был попросить их впустить меня?»

Чэнь Чаншэн находил это очень странным. После битвы Реки Ло Имперский Двор начал преследовать Сяо Чжана. Все знали, какой была позиция Дворца Ли в вопросе Сяо Чжана. Даже если Сюй Южун была в уединении, Храм Южного Ручья был без главы, а люди в храме не любили способ ведения дел Сяо Чжана, была ли необходимость в такой твердой позиции?

Пока он раздумывал об этих вопросах, его глаза встретились с глазами Сяо Чжана.

Он внезапно понял, что Сяо Чжан рассказывал ему о том, что в Храме Южного Ручья могло что-то случиться.

«Когда я покидал Храм Южного Ручья, я встретил группу из Имперского Двора и быстро избежал ее».

«Почему?»

«Потому что в этой группе было два паланкина. Не знаю, кто в них был, но они были намного сильнее меня».

Чэнь Чаншэн и Танг Тридцать Шесть переглянулись, зная ответ.

«Принц Сян и Уцюн Би... Что они делали?»

«Это непонятно. После этого мне устроил засаду какой-то монстр. Из-за того, что я изгонял яд, мои старые раны открылись, а затем эти мухи прилетели надоедать мне. Это сильно раздражало, так что я захотел прийти сюда и выпить немного чая».

Чаепитие действительно могло успокоить мысли, но группа Чэнь Чаншэна знала, что Сяо Чжан думал, что ему осталось недолго жить, так что захотел прибыть сюда и выпить немного чая.

И первое и второе было чаепитием, но причина и состояние ума отличались.

У Чэнь Чаншэна было смутное понимание, кем был этот монстр.

Кто еще это мог быть, если смог отравить такого человека, как Сяо Чжан?

«Ты хорошо ел в последнее время?» - спросил Чэнь Чаншэн.

Сяо Чжан ответил: «Я могу съесть свою долю, но я не ем хорошо».

Готовясь к нападению в любой момент, всегда проверяя все на яд - любой найдет сложным насладиться едой таким образом.

В Крепости Семи Сокровищ был ресторан, так что они нашли частную комнату. Через короткое время у них начался сытный банкет.

Чэнь Чаншэн тоже ел, так что, естественно, не было никого, кто посмел бы отравить еду.

Сяо Чжан не обращал внимания на кого-либо еще. Его палочки для еды опускались подобно ветру, быстро опустошая деликатесы в тарелках.

Он не пил спиртное, но выпил полчайника зимнего дикого чая.

Есть в такой расслабленной манере уже было крайне экстравагантным для него.

Напившись и напившись в удовольствие, Сяо Чжан стал слишком расслабленным и заснул у стола, а его храп, казалось, разносился эхом по всему городу.

Группа Чэнь Чаншэна тихо смотрела на него, не говоря ни слова.

Бесчисленные люди снаружи ресторана тоже смотрели на него, не говоря ни слова.